

Матушка Лю целыми днями ткала, отрываясь от станка лишь для еды и сна. Раньше с наступлением темноты она отдыхала, но с тех пор, как в доме появились масляная лампа и светильник, она засиживалась за работой до глубокой ночи. Из-за этой занятости она мало что замечала вокруг. Сегодня, когда Цюаньцзы вернулся с грибами, она не обратила внимания на его раненую ногу, из-за которой он прихрамывал.

Цюаньцзы поставил ирис в старую разбитую глиняную вазу, собираясь отнести его Чжуан Яну, когда пойдёт после полудня учить А-Пина и остальных стрельбе.

С тех пор как он начал их обучать, он видел Чжуан Яна каждый день.

Он натягивал тетиву и пускал стрелы в мишень во дворе, поправляя стойку А-Пина, Чжуан Лань и А-Ли, а Чжуан Ян сидел, поджав ноги, на деревянной галерее и наблюдал. Его взгляд иногда останавливался на Цюаньцзы — тёплый, ласковый, такой же, каким он смотрел на А-Лань и А-Пина.

В душе Цюаньцзы уже почти считал Чжуан Яна старшим братом, а к А-Лань и другим тоже проникся родственным чувством. До переезда в Чжу Ли, живя в Фэнсян, он был одиноким подростком.

Цюаньцзы, закатав штанины, стоял на отмели реки И и, наклонившись, шарил руками в водорослях, выискивая рыболовную вершу. Подождав, пока стечёт вода, он вытащил её на берег. В реке И водилось много рыбы и раков, а ещё речные моллюски, улитки и вьюны. Вершу поставили с прошлого вечера, и теперь она была тяжёлой, полной улова.

Он перевернул горловиной вниз и вытряхнул добычу в деревянное ведро: одну крупную рыбку и несколько помельче. Рыбу размером с ладонь матушка Лю всегда пускала на уху для Цюаньцзы — он рос и постоянно хотел есть. Мелкую рыбу Цюаньцзы разделывал сам: потрошил маленьким ножом, насаживал на бамбуковые палочки и жарил на углях. Так же он готовил и вьюнов. Это было прекрасное лакомство — щедрый дар реки И.

Поставив вершу на землю, Цюаньцзы выпрямился и взглянул на речную гладь, переливавшуюся в лучах заката, словно поток драгоценных камней. Тут же он заметил на берегу юношу в красной рубашке и белом шёлковом халате. Это был Чжуан Ян.

Чжуан Ян редко выходил на утреннюю прогулку к реке. Если бы его спросили, зачем он пришёл сегодня, он бы лишь смущённо улыбнулся. Последние два дня он вставал рано: домашние петухи — а их было двое — начинали кукарекать ещё до рассвета. Чжуан Ян спал чутко и легко просыпался.

Раз уж спать больше не хотелось, он одевался и спускался прогуляться, подышать утренним воздухом и полюбоваться цветами, ещё не обсохшими от росы.

Пока Цюаньцзы смотрел на него, Чжуан Ян тоже его заметил.

— Доброго утра, Эрлан, — поклонился Цюаньцзы.

— Доброе утро. Рыбу проверяешь? — вежливо ответил Чжуан Ян.

Обучая детей семьи Чжуан стрельбе, Цюаньцзы сблизился с ними и узнал, что второго сына зовут Ян. Цюаньцзы думал, что это красивое имя. Но называть Чжуан Яна по имени было бы невежливо, поэтому он, как и все, звал его Эрлан.

— М-м, — кивнул Цюаньцзы.

Увидев Чжуан Яна, он вспомнил о горшке с диким цветком, который стоял у входа. Вчера он всё думал, как бы вручить цветок Чжуан Яну при всех. А сейчас представился прекрасный случай.

Он подхватил ведро и поспешил обратно во двор. Поставив ведро, он взял горшок с немного подвявшим голубым горным цветком и бросился назад к реке. К счастью, Чжуан Ян был ещё там — стоял на меже и разглядывал зелёные всходы капусты на своём поле.

Цюаньцзы пересёк по мостику канаву и направился к Чжуан Яну. Тот, услышав шаги, обернулся и, увидев Цюаньцзы рядом, мягко улыбнулся. Цюаньцзы одно время думал, что Чжуан Ян относится к нему как-то по-особенному — всегда так тепло улыбается. Но когда он стал бывать в доме Чжуан, то понял: Чжуан Ян со всеми одинаково мягок и приветлив — будь то домашний слуга или грубоватый крестьянин из Чжу Ли.

— Держи, это тебе, — протянул Цюаньцзы цветок.

Чжуан Ян очень удивился. Он уставился на голубой цветок в горшке.

— Это же голубой ирис. Где ты его нашёл? — спросил он.

Чжуан Ян узнал этот цветок. В детстве, в саду их дома в Цзиньгуаньчэне, росло множество ирисов самых разных расцветок. Матушка Чжуан любила цветы, и отец, чтобы угодить ей, засадил ими весь двор.

— В горах, — кратко ответил Цюаньцзы.

О том, как трудно было его достать, он говорить не хотел.

Чжуан Ян уже давно заметил, что Цюаньцзы неразговорчив. Для его возраста это было необычно — видимо, с ним в Фэнли мало кто общался, да и товарищей у него, наверное, не было.

— Как красиво... словно встреча со старым другом. Спасибо тебе, — проговорил Чжуан Ян, бережно принимая горшок.

Длинные пальцы коснулись нежных лепестков, а выражение его лица стало необычайно мягким.

Цюаньцзы понял, что подарок придётся по душе. Тупая боль в ране на ноге теперь и вовсе казалась пустяком. Он был счастлив, что смог добыть этот цветок со скалы.

«Горшком» для ириса служил узкогорлый глиняный кувшин с заострённым дном — совсем не подходящая для цветов посуда. Чжуан Ян, бережно неся его, поспешил обратно в усадьбу. За домом он нашёл подходящий цветочный горшок, сходил в кладовку за лопаткой, накопал земли, пересадил ирис из кувшина в горшок.

Двор семьи Чжуан был владением Чжусуня. Оставь цветок на земле — не пройдёт и дня, как тот его обглодает. Чжуан Ян отнёс горшок на второй этаж и поставил его на перила галереи у входа в свою комнату.

Так он мог видеть цветок каждый раз, выходя из комнаты. Утром, поднявшись, было удобно его

полить.

Чжуан Ян смотрел на цветок, всё ещё удивляясь тому, что Цюаньцзы подарил его именно ему.

Вокруг Чжу Ли росло много полевых цветов, но за все годы, что он здесь жил, Чжуан Ян ни разу не встречал дикого ириса. На какой же горе Цюаньцзы его нашёл?

После полудня Цюаньцзы, как обычно, пришёл учить стрельбе. В это время А-Ли, с луком за спиной, приходил из дома Чжанов. Иногда за детьми приходили посмотреть и слуги Чжанов. Даже Чжан Сян как-то раз заглядывала. Ей было любопытно, как дети, ещё недавно дравшиеся, стали друг для друга учителями и товарищами. Как и другие зрители, она поражалась искусности Цюаньцзы в стрельбе.

Цюаньцзы не любил выставлять себя напоказ. Когда он стрелял, окружающие подбадривали его возгласами, но он их просто игнорировал.

Он добросовестно обучал А-Пина и остальных — ведь за это ему платили.

Каждый раз, приходя в усадьбу Чжуаней, Цюаньцзы непременно искал глазами Чжуан Яна. Завидев его, он чувствовал необъяснимое спокойствие и удовлетворение. Почему — он и сам не понимал.

Послеполуденный Чжуан Ян был воплощением безмятежности и уюта. Глядя на него, любой чувствовал бы себя хорошо.

Он либо читал, сидя на галерее второго этажа, либо любовался лотосами в пруду, а чаще всего — сидел, поджав ноги, на крытой галерее, у его ног дремал молодой тапир Чжусунь. Циновки в доме Чжуан были дорогими, по краям их прижимали глиняные утяжелители. Чжуан Ян сидел прямо между ними, слегка подавшись вперёд, и наблюдал за стреляющими во дворе — изящно, с достоинством, как подобает отпрыску знатного рода.

За несколько дней обучения Цюаньцзы заметил, что зрение у Чжуан Лань лучше всех: она могла стоять далеко и всё равно видеть мишень. На втором месте был А-Ли. Хуже всех видел А-Пин — на сорока шагах он уже не мог разглядеть, куда целиться.

Даже стреляя с десяти шагов, А-Пин часто промахивался, и вокруг мишени валялся целый веер стрел.

Цюаньцзы наклонился, чтобы подобрать одну из них, и, выпрямляясь, двинулся чуть скованнее, на мгновение опёршись рукой о ствол дерева. Движение было мимолётным, и никто вокруг не заметил. Заметил только Чжуан Ян, сидевший на галерее.

Обычно Цюаньцзы ходил бодро и уверенно, но сегодня его походка была немного неровной, особенно когда он приседал. Чжуан Ян подумал, что, наверное, у него проблемы с ногой. Цюаньцзы часто ходил в горы — травмы были не редкость.

Когда А-Пин и остальные разошлись по своим мишеням тренироваться, Цюаньцзы подошёл к галерее отдохнуть.

— Цюаньцзы, что с ногой? — спросил Чжуан Ян.

Цюаньцзы вздрогнул, но лицо его осталось бесстрастным. Он посмотрел на Чжуан Яна, собираясь покачать головой — мол, ничего. Но вдруг подумал: а не увидел ли Чжуан Ян рану?

Когда он приседал, штанина могла закатиться и обнажить голень.

— Случайно порезался, — ответил он, подходя ближе.

— Дай посмотреть, — сказал Чжуан Ян, поднимаясь.

Цюаньцзе пришлось закатать штанину и показать перевязанную тканью рану. Насколько она серьёзна, было не разобрать.

— Пойдём наверх, я дам тебе мазь, — сказал Чжуан Ян и направился к лестнице.

Чжусунь потянулся за ним, но его короткие лапы с трудом одолевали ступеньки. Увидев это, Цюаньцзы подхватил тапира на руки. Тот, толстый и круглый, вытянулся в его объятиях и замер. Цюаньцзе стало его жалко, и он прижал Чжусуня к груди. Возможно, за то время, что Цюаньцзы бывал в доме Чжуаней, тапир к нему привык — он лежал смирно, не царапаясь и не вырываясь.

<http://bllate.org/book/15945/1425547>